

Научная статья

УДК 81 22; 930.271; 930.85
DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-332-349

**«Город говорит».
О тифлисском просторечном урбоязыке
на примере вывесок и рекламных надписей**

Ерванд Грантович Маргарян

Российско-Армянский университет
Ереван, Армения
ervand.margaryan@rau.am, <https://orcid.org/0000-0001-7396-2399>

Аннотация

Рассматривается креольский урбанистический язык Старого Тифлиса. В наши дни почти не сохранилось свидетельств существования этого языка, поскольку почти не осталось его носителей, так же как не осталось письменных свидетельств его существования. Тифлисский городской язык был исключительно устным, бесписьменным языком. До нас дошли лишь обрывочные упоминания этого языка в произведениях Агаси Айвазяна, Иосифа Гришашвили и других певцов старого Тифлиса. Образцы этого городского языка сохранились в рекламных вывесках и картинах тифлисских художников-примитивистов. Тифлисский язык был своеобразным койне, возникшим на основе армянского, грузинского, русского, татарского и персидского языков. А. Айвазян назвал его *тифлисским эсперанто*. Этот креолизированный городской язык был инструментальным, удобным, гибким и демократичным средством межэтнической коммуникации внутри замкнутого городского пространства. Сельские жители не владели этим инструментом и плохо понимали городских жителей, говоривших на нем. Горожане не скрывали своего презрения к провинциалам, понимавшим лишь одно наречие (гурийское, хевсурское, хакетинское, лорийское, ахалцихское или сванское).

© Маргарян Е. Г., 2023

В пореформенный период, по мере формирования буржуазных наций (армянской, русской, грузинской, азербайджанской), средневековый урбанистический республиканский язык деградировал. На смену стихийно развивающемуся, окказиональному, бесписьменному языку пришли национальные литературные языки с характерным для рациональных буржуазных языков каноническим узусом и языковым пуризмом. Характерная деталь – классики армянской и грузинской литературы, формировавшие и развивавшие литературные языки нового времени, знали и помнили средневековый городской язык, отголоски которого и сейчас, при желании, можно услышать в их произведениях.

Ключевые слова

урбанистический язык, старый Тифлис, городской фольклор, рекламные вывески

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комитета по науке Республики Армения, проект № 21AG-6C041

Для цитирования

Маргарян Е. Г. «Город говорит». О тифлисском просторечном урбоязыке на примере вывесок и рекламных надписей // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 332–349. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-332-349

**“The City Speaks”.
About the Tiflis Vernacular Urban Language
on the Example of Signage and Advertising Inscriptions**

Yervand G. Margaryan

Russian-Armenian University
Yerevan, Armenia

ervand.margaryan@rau.am, <https://orcid.org/0000-0001-7396-2399>

Abstract

The article deals with the Creole urban language of Old Tiflis. Nowadays, there is almost no evidence of the existence of this language, since there are almost no native speakers left, just as there is no written evidence of its existence. The Tiflis city language was exclusively an oral, unwritten language. Only fragmentary mentions of this language have reached us in the works of Aghasi Ayvazyan, Joseph Grishashvili and other singers of old Tiflis. Samples of this urban language have been preserved in advertising signs and paintings by Tiflis primitive artists. The Tiflis language was a kind of Koine, which arose on the basis of Armenian, Georgian, Russian, Tatar and Persian languages. A. Ayvazyan called it Tiflis Esperanto. This creolized urban lan-

guage was an instrumental, convenient, flexible and democratic means of interethnic communication within a closed urban space. The villagers did not own this instrument and did not understand the urban residents who spoke it well. The townspeople did not hide their contempt for the provincials, who understood only one dialect (Gurian, Khevsurian, Kakhetian, Lori, Akhaltsikhe or Svan).

In the post-reform period, as the bourgeois nations (Armenian, Russian, Georgian, Azerbaijani) were formed, the medieval urban republican language degraded. The spontaneously developing, occasional, unwritten language was replaced by national literary languages, with canonical usage and linguistic purism characteristic of rational bourgeois languages. A characteristic detail is that the classics of Armenian and Georgian literature, who formed and developed the literary languages of modern times, knew and remembered the medieval urban language, echoes of which can still be heard in their works, if desired.

Keywords

urban language, old Tiflis, urban folklore, advertising signs

Acknowledgements

The research was supported by the Science Committee of the Republic of Armenia, project no. 21AG-6C041

For citation

Margaryan Ye. G. "The City Speaks". About the Tiflis Vernacular Urban Language on the Example of Signage and Advertising Inscriptions. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 332–349. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-332-349

Целью статьи является показать, что на протяжении тысячелетней истории человечества существовали своеобразные «языковые вавилоны», где возникали причудливые синкретические языки, вбиравшие в себя элементы имперских языков и туземных диалектов. Задачами нашей работы было на примере старого Тифлиса показать, как функционировал такой синкретический бесписьменный урбоязык, как и почему он, несмотря на свою массовость, вдруг почти бесследно исчез, а также на примере тифлисского урбоязыка показать, какие взаимосвязи существуют между повседневным языком и национальным сознанием.

Сложно понять и еще сложнее описать урботекст полуторавековой давности. Повседневный язык, на котором говорили и писали люди той поры, практически исчез. Сохранились лишь обрывки этого урбанистического макротекста, позволяющего в общих чертах воссоздать образ некоего коллективного горожанина. Поэтому каждый из этих фрагментов бесценен с точки зрения филологической урбанографии. Например, упоминания текстов вывесок, рекламных щитов, плакатов, эпиграфики, граффити, мест

памяти и других свидетельств прошлого обладают поистине неоценимой информацией, так как позволяют отследить процессы трансформации и деформации городской среды, изменения качественного, этнического, социального состава жителей города, проследить в «языковой картине города» изменения их ценностных ориентиров, которая соотносится с личным опытом людей, объективными параметрами среды и, наконец, с социокультурной обстановкой (городским хронотопом, социальной организацией, способами и манерой поведения и пр.). Рекламные вывески – это имплицитный диалог, несобственно-прямая речь города в его социокультурном пространстве. Разговорно-обиходная речь, городской фольклор, особенно тексты песен, частушек, анекдотов, социолекты и пр. лучше описывают «выражение лица» старого города, нежели произведения классиков, часто отражающие жизнь верхушечной части населения.

Стержневой особенностью тифлисской жизни была многоэтничность и многообщинность. Этнические общины Тифлиса отличались друг от друга по численности, времени обоснования в городе, пассионарности, многовековыми культурными наработками. Но каждая из этих общин, подолгу живя в Тифлисе, вносила свой неповторимый колорит в ментальную палитру города, получившего в пореформенный период почетное прозвище «Парижа Кавказа». Безусловно, такие города, как Тифлис до некоторой степени способствуют размыванию этнических традиций, лишают проживающее в нем население индивидуальности, в то же время именно город обеспечивает полный набор жизнеобеспечивающих структур, образующих многообразие конкретных форм материальной и духовной культуры, благодаря которым, необходимый объем бытовой культуры остается неизменным. Это позволяет данной этнической общности не только поддерживать свою индивидуальность, но и выступать творцом новых национальных традиций, основанных на достижениях новой синкретической культуры.

С первого дня своего существования и вплоть до 20–30-х гг. XX в. Тифлис был синкретическим городом с синкретической культурой и синкретическим языком, делавшим его неповторимым, непохожим ни на один другой город мира. Подобно населению эллинистических городов древности, население Тифлиса было полиглотным. Большинство тифлисцев в большей или меньшей степени владело грузинским, армянским, тюркским, персидским языками, а начиная с XIX в. еще и русским. Однако ни один из этих языков Тифлиса не существовал и не мог существовать в чистом виде. В результате взаимовлияния и взаимопроникновения языков

основных этносов сформировался особый городской язык, своеобразный городской *lingua franca* – сплав грузинского, армянского, турецкого, иранского и русского языков. На этом городском койне говорила большая часть коренных тифлисцев¹.

Одной из причин возникновения и процветания такого синкретического языка были безразличие и отсутствие целенаправленной языковой политики со стороны картвельской элиты, еще в XV в., во времена правления грузинских Багратидов, принявшей ислам и основательно растерявшей свою этническую идентичность. После присоединения Грузии к Российской империи русские колониальные власти также демонстрировали полное отсутствие интереса к низовому языку туземцев, впрочем, как и к их древним литературным языкам. Всё это позволяло городскому языку спонтанно развиваться, принимая самые причудливые формы.

Пространством, формирующим этот язык, был прежде всего базар, рыночная площадь [Смирнов, 2021, с. 26–27]. Дома и на территории своих этнических общин, которые часто формировались вокруг конфессиональных институтов, люди говорили на родных наречиях и обращались к Богу на родных языках – языках древних, литературных и малопонятных для широких слоёв городского и сельского населения, ведь это были мертвые языки. Но было место, где неизбежно встречались практически все жители города и большая часть приезжих, – это рынок, торжище. Рынок порождает не только особую экономику, но и особую культуру, особый язык –

---

¹ Подобных языков и диалектов, систематически используемых для коммуникации между людьми, родными языками которых являются другие (языки), известно множество. Иногда это были мертвые языки (аккадский, арамейский, латынь), иногда же синтезом живых и мертвых языков, каковыми являются идиш (сплав средневерхненемецкого, древнееврейского, арамейского, западнославянских, восточнославянских (польский, украинский и белорусский) и литовского языков с более поздними вкраплениями новонемецкого), хиндустани (синтез индийского, санскрита, урду и английского), суржик (смесь русского и украинской мовы), трасянка (смещение белорусского и русского языков, существует и так называемая “матотрасянка” – трасянка, густо приправленная славянским матом), арабский, в Африке – суахили, хауса, бамана, в Южной Америке – испанский и кечуа, индонезийский в Индонезии, хотя для большинства населения родным является яванский.

В Евросоюзе широкое применение английского привело к появлению так называемого “евроанглийского” (EU English) – английского с немецкими и французскими вкраплениями.

язык базара. Именно рынок является основным локусом городской полифонии. Здесь не только говорили, но и писали на своеобразном городском суржике – смеси языков и наречий. В XIX – первой четверти XX в. большая часть вывесок и других изображений и надписей рекламного характера была написана русскими буквами, но на тифлисском городском койне, креолизованном языке городских низов [Симян, 2019; 2020, с. 274–275]. Слова писались, как слышались, падежные окончания и склонения для русского человека тоже могли показаться произвольными, а произношение – варварским. Об орфографии и пунктуации художники, писавшие эти вывески, и вовсе не слышали, и это не просто фигура речи, дело в том, что в грузинском письме и сегодня нет прописных букв, и практически отсутствуют знаки препинания (хотя за последние полтора столетия грузинское письмо и грузинская книжность пережили небывалый прогресс). Это обстоятельство не могло не повлиять на особенности письма составителей текстов тифлисских вывесок независимо от их национального происхождения².

Приведем несколько, ставших уже классическими, примеров из рассказа Агаси Айвазяна «Вывески Тифлиса» [1990].

Над дверью духана Каплю Григор нарисовал танцующего кинто и ниже вывел свободно и ясно, радостно и просто:

ТАНЦУЮ Я
ТАНЦУЮТ ВСЕ
ХОЧИШ СМАТРИ
ХОЧИШ НИ СМАТРИ... Ва!

Вывеска в Шайтан-базаре:
БАРЕВ, КАЦО, МАРД – ОКМИН,
ДОБРИ ЧЕЛАВЕК

Вывеска в Сололаке:
В ДУХАНЕ ГОГА
АПЕТИТ БОГА

Вывеска в Орточалах:
ГОСТИНИЦА
ИМЕЕШ МЕСТО НА МАЯ ГАЛАВА

---

² Характерная деталь: Агаси Айвазян, описывая эту историю на литературном армянском, вывески приводит на языке оригинала, т. е. на «тифлисском языке», и непременно кириллицей.

Вывеска в Авлабаре:

ДУША РАЙ
ДВЕР ОТКРИВАЙ
НЕ СТУЧАЙ

Вывеска в Клор-тахе:

ВИНИ ПОГРЕБА
КАХЕТИНСКИ АКОБА
ПИЕМ ДО ГРОБА
И ДАЖЕ В ГРОБА!

Вывеска в Дидубе:

СКОРИ ФАЙТОН
ВЕСОЛИ АНТОН
ИДУ ВАГЗАЛ
И ОБРАТОН

Вывеска в Нарикала:

САЛИДНИ ОБЕДИ ДЛЯ САЛИДНИ ЛЮДИ

Автор всех этих вывесок, Капло Григор³, проявил себя как незаурядный маркетолог. Для потребителей важно, чтобы получаемое ими благо воспринималось выше, чем траты, связанные с его приобретением. При соблюдении этого условия людям проще расстаться с деньгами. Поэтому главная цель маркетолога – это утрирование ценности предложенного товара или услуги и адаптация нового, непривычного предложения для восприятия клиента. К этому стремится наш тифлисский рекламщик. Язык его вывесок и объявлений оперирует символами (ключевыми словами), которые максимально созвучны массовому языковому сознанию, поскольку затрагивают в нем нужную струну. Тексты вывесок и объявлений, рассчитанные на оперативное и однозначное понимание, включают ключевые слова с большой ассоциативной силой, что обуславливает формирование единого образа типизированной ситуации и позволяет максимально быстро извлечь из текста заданный смысл [Яковлева, 2019, с. 426; Залевская, 1999, с. 258].

---

³ В современной литературе можно встретить рассуждения по поводу того, что и Пиросмани был рекламным художником. Однако нам Пиросмани видится таким тифлисским Энди Уорхолом, который использовал рекламный материал для создания своих талантливых работ, рассчитывая, безусловно, заработать на жизнь.

Реминисценция несохранившейся вывески
тифлисского художника Григора Каplo (2018).
Современный тбилисский художник В. Гарникян.

Источник: <https://clck.ru/eSZkg>

A reminiscence of the unmade sign
of the Tiflis artist Grigor Kaplo (2018).
Contemporary Tbilisi artist V. Garnikyan.
Source: <https://clck.ru/eSZkg>

Тифлисский художник рекламных вывесок Григор интуитивно использовал все эти приемы и методы современного маркетинга, сопоставляя образы, которые, взаимодействуя, отражали языковое сознание тифлисского этнокультурного сообщества. При этом набор ключевых слов и понятий был вариативен. Например, в вывеске из Нарикала, Григор практически открытым текстом сообщает, что данное заведение не простая забегаловка не для городского «сброда», а солидное заведение, куда заходят люди с высоким статусом. Отобедав в таком заведении, клиент сам автоматиче-

ски попадал в разряд тифлисской статусной элиты. В Тифлисе были слышаны о статусных московских ресторанах с громкими названиями «Яр», «Славянский базар» или «Стрельна» и старались им подражать. Однако наличие в нарицательном заведении солидных людей отнюдь не означало, что посетитель должен был уйти отсюда голодным, едва поклевывая с тарелки, ведь, как и в «Яре», порции в рекламируемом Григором заведении тоже были солидные.

В вывеске заведения на Шайтан-базаре угадываются архетипические мотивы, но прежде всего бросается в глаза смешение языков – чередующиеся идиоматические выражения на армянском, грузинском и русском языках. «Барев» по-армянски означает «здравствуй», «кацо» – по-грузински «друг», «мард» – по-армянски «человек», «окмин» – по-грузински «божий», и завершает эту мешанину испорченное русское «добри чалавек». Едва ли заезжий турист или гость Тифлиса смог бы понять, что рекламирует, и к чему призывает эта вывеска, что скрыто за этими звучащими словно эзотерическое заклинание таинственными словами на непонятных языках.

Вывески из трактиров в Авлабаре и Ортачала имплицитно указывают на радушный прием, доброе и заботливое отношение хозяев к посетителям. Очевидно, что Капло знал особенности нравов хозяев каждого из рекламируемого им заведения, знал и о нравах их посетителей. Поэтому в большинстве вывесок преобладает игривый, бесшабашный тон, характерный для речи коренных тифлисцев, отличавший их от хмурых и диковатых селян из Тушети, Коджори или Лори. Именно таким предстает веселый фэтонщик Антон с вывески из Дидубе, который занимается не просто извозом, но и развлекает пассажиров шутками и байками. С юмором в вывеске обыгран рифма *Антон – фэтон – обратон*. Также забавно звучит рифма *душа Душа-рай – не стучай...* (уж слишком *не стучай* похоже на *не скучай*, однако это случайное сходство, которое объясняет, откуда некорректное окончание в глаголе *стучать*). Хоть и не сразу, но можно догадаться, что заводной тифлисский маркетолог Капло сравнивает рекламируемое питейное заведение с раем, двери которого, открыты для всех чистых душ, иначе говоря, для хороших людей, остается предположить, что хозяин духана – сам святой Пётр.

Среди надписей блестящего маркетолога Григора Капло есть и вовсе загадочные тексты, сродни ведическим гимнам или заклинаниям пифагорейцев:

БАЛЬНИЦА, ЧАСТНИ ВЕНЕРИЧЕСКИ
ФЕЛШЕР НЕ ЗАХОДИ,
НЕ НАДО
ПУСКАЙ БЕЗ РАБОТЫ УМРУ Я
[Айвазян, 1990].

Отсутствие знаков препинания обескураживает, создавая *двоемыслие*. Создается впечатление, что автор надписи призывает некоего ФЕЛШЕРА не заходить в частную клинику, где лечат французскую болезнь. Эта надпись может ввести в заблуждение кого угодно, но не тифлисцев. На самом деле остроумный рекламщик всего лишь не поставил точку после слова ФЕЛШЕР. Это от его имени Григор призывает не заходить в рекламируемое заведение. Фельдшер-аноним готов остаться без работы и даже умереть от голода, лишь бы люди не болели, да еще такой плохой болезнью. Хотя в определенных кругах эта болезнь еще долго считалась модной, даром что ее называли французской.

Такой вольный язык, не признающий жестких канонов и правил, могли создать только жители вольного, на средневековый манер, города Тифлиса, промышленяющие на рынке или на «малине»⁴. Характерной чертой тифлисского языка была его театральность, которая проявлялась не только в напевных интонациях тифлисцев, но и в изобилии широких театральных жестов и громких возгласов, сопровождавших их речь. Без интенсивной жестикуляции, придыханий, понижающейся и повышающейся интонации речь тифлисцев может показаться плоской и даже простецкой. Дело в том, что язык Тифлиса – это исключительно устный язык, возникший вследст-

---

⁴ Есть много общего между тифлиским и одесским языками. «Впрочем, одесский язык не признает ни спряжений, ни склонений, ни согласований – ничего! Это язык настоящих болтунов – язык свободный как ветер. Язык без костей. Вы приказываете вашему человеку подать визитку. Он отвечает: – Никак невозможно. На нем мусор стоит!» («на ней пыль лежит») [Дорошевич, 1895, с. 57]. Другая важная характеристика одесского языка: «Перечисляя все заслуги города, сумевшего за сто лет вырасти из маленького Хаджибея в большие Тетюши, – позабыли одну из его главных заслуг. Он сумел составить свой собственный язык. Гейне говорит, что чёрт, желая создать английский язык, взял все языки, пережевал и выплюнул. Мы не знаем, как был создан одесский язык. Но в нем вы найдете по кусочку любого языка. Это даже не язык, это винегрет из языка. Северяне, приезжая в Одессу, утверждают, будто одесситы говорят на каком-то “китайском языке”. Это не совсем верно. Одесситы говорят скорее на “китайско-японском языке”» [Там же, с. 62]. Впрочем оба языка сегодня можно считать мертвыми.

вие массового продолжительного контактного многоязычия, на пересечении древних и новых культур и цивилизаций⁵. Жесты и интонации – это не просто проявление южного темперамента, они имеют инструментальное значение – облегчают понимание представителей иноязычной культуры⁶. Характерными особенностями тифлисского языка были сниженные, экспрессивные, диффузные, социально разнородные, ненормированные, но общеизвестные и общепонятные единицы обиходной речи на разных языках. Носителями этой массовой городской культуры и синкретического городского языка были как коренные жители города, так и лица с переходным (полугородским-полудиалектным) типом сознания, длительное время проживающие в городе.

И. Г. Гришавили в «Литературной богеме старого Тбилиси» так описывает эту языковую ситуацию:

Многие века кропотливо и осторожно оттачивал Тифлис слова-алмазы чужого языка, придавая им свою свежесть и солнечность. И они поддались, вписались в грузинскую речь. Так возник «городской язык», удивительно живой и красочный. Иностранные слова изменялись порой до неузнаваемости, а порой сохраняли изначальное звучание и смысл. Что за беда: разве принижают арабизмы нашу древнюю великую словесность? Богател тифлисский язык. И не только он один. Еще ученые отмечали, что под влиянием грузинского тифлисский диалект армянского языка создал особые фонети-

---

⁵ Типичными образцами такого рода контактных языков являются возникший преимущественно в еврейской среде одесский язык и сформировавшийся на Брайтон бич рунглиш, известный также как русшлиш, руглиш, или русинглиш (англ. Runglish, Russlish, Ruglish, Rusinglish) – русско-английский макаронизм, смешение в речи русского и английского языков. Наиболее частым является первое название, образованное по аналогии со спанглишем и френглишем.

⁶ Жесты имеют исключительное значение для коммуникации между иноязычными людьми. Существуют даже жестовые языки, созданные не для глухонемых. Характерным примером такого языка является индуистский жестовый язык (инуктитут – Inuit Uukturausin), используемый инуитами в канадской территории Нунавут. Это своего рода жестовая lingua franca, применяемая представителями различных племён, разбросанных на обширных территориях Североамериканского континента [Schuit 2012; Farnell, 1995].

Жестикуляция вообще очень важна для коммуникации разноязычного городского сообщества. Один из первых исследователей одесского языка Аверченко так описывал его носителей: «Единственный их недостаток – это, что они не умеют говорить по-русски, но так как они разговаривают больше руками, этот недостаток не так бросается в глаза» [1911, с. 17].

ческие формы ⁷. «Городской язык» – на нем говорили наши деды и прадеды. По сей день он не утратил своей привлекательности; более того, некоторые грузинские слова – коренные уроженцы Тифлиса и только здесь сохраняют свой первозданный смысл. «Вывозить» их не надо: на чужбине они будут экзотикой, а здесь они – природа. Пестрота же тифлисской речи не должна пугать. Она не от безвкусицы – она от богатства [Гришашвили, 1977, с. 11] ⁸.

Однако тифлисский городской язык, начавший формироваться еще в незапамятные времена и вместе с Городом прошедший все этапы бытия, вместе с Городом же деградировал и умер (сегодня старый городской язык сохранился лишь в небольшом осколке старого города, бледной тени старого Тифлиса – Авлабаре). Уже во второй половине XIX в. городская элита стала пренебрегать этим языком и впала в пуризм, это преимущественно относилось к армянской и грузинской интеллигенции. Особенно их раздражала некоторая «инструментальность» тифлисского языка, практичность, отсутствие «традиционно-сентиментального», эстетического отношения к литературному слову, сильнее всего сказывавшегося именно в развивающейся части словаря, а также чрезмерная эмоциональность, интеррогативность и театральность интонаций и жестов его носителей. Если на рынке или в духанах подвыпившие интеллигенты и зная время от времени вспоминали язык своего детства, то в своей узко кастовой среде говорили исключительно на литературном армянском или грузинском языках либо же, в зависимости от обстановки и ситуации, на русском с французскими вставками. Подобный языковой пуризм был не только проявлением патриотизма, порожденного бурным ростом национального самосознания, столь характерного для второй половины XIX в., но и стремлением продемонстрировать свою образованность, рафинированность и элитарность.

Однако в отдельных случаях языковой пуризм, сопровождаемый националистической фразеологией, начинал «зашкаливать», что вызывало

---

⁷ Очевидно, автор имеет в виду фундаментальное исследование Александра Ивановича Томсона (1860–1935), посвященное грамматике армянского языка Тифлиса [Томсон, 2015].

⁸ Здесь же хочется привести несколько выдержек из работ белорусских лингвистов о трасянке: «Трасянка – чудовищная смесь языков – не только показатель низкого культурного уровня страны – это система формирования акультурных личностей с сумятицей в душах и головах» (Прохорова С. Аргументы и факты в Беларуси. 1997, № 38; цит. по: [Цихун, 2000]).

негативную реакцию даже среди представителей самой национальной интеллигенции. Очевидно, не случайно «бард» старого Тифлиса Габриел Сундукян, многомудрый Ованес Туманян и некоторые другие деятели армянской культуры столь трепетно относились к тифлисскому городскому наречию⁹, в противоположность Григору Арцруни, Раффи и Мурацану, стремясь донести до армянского читателя неповторимую прелесть, живость и красочность тифлисского городского языка.

Вымывание «тифлисского эсперанто» началось в пореформенный период, т. е. в последней четверти XIX столетия, после отмены крепостничества, с началом формирования капиталистического рынка, пришедшего на смену средневековому базару. Новый рынок породил новую парадигму бытия, новые нации и новый язык. Вместо нации под названием «тифлиscopy» появились армяне, грузины, русские, евреи, азербайджанцы. В 60–70-х гг. прошлого столетия «тифлисская нация» окончательно исчезла¹⁰.

Полифоничный Тифлис – «Париж Кавказа», или так называемый Кавказский Вавилон – исчез окончательно, и его место занял Тбилиси – столица Грузии. Исчезли вывески на этом причудливом, экзотическом языке, сохранились только духаны и старые песни, которые уже давно никто не слушает.

Обобщим сказанное. Тифлис XVIII–XIX вв. был мультикультурным городом, с преобладающим армянским населением. В городе существовали самые различные общины, все они были объединены по религиозно-конфессиональному признаку (аналог османских миллетов). Это мусульманская традиция, укоренившаяся в Грузии со времени принятия ислама в XVI в. грузинскими царями и феодальной элитой страны. Характерной особенностью такого деления на общины были не языковая или этническая общность ее членов, а конфессия и район проживания. Последнее было важно, поскольку конфессиональные общины образовывались вокруг разных церквей. Языком богослужения были мертвые языки, понятные лишь небольшой группе избранных грамотеев и толкователей древних религиозных текстов. Остальная часть населения говорила либо на местных диалектах, либо на городском койне, понятном представителям всех

---

⁹ Впрочем, также трепетно Туманян относился и к своему родному лорийскому диалекту.

¹⁰ Одним из ярких примеров уходящей эпохи можно считать Сергея Параджанова как носителя тифлиских ценностей, коллекционирующего артефакты предметного мира Старого города [Симян, 2019, с. 205–208].

конфессиональных общин. И лишь ближе к середине XIX в. начинает формироваться в значительной мере секуляризованная национальная интеллигенция местных народов, которые поставили перед собой задачу создать национальную культуру буржуазного толка. В Тифлисе образцами для подражания стали западная и в значительной степени вестернизированная русская элитарная культура. Подобно Хачатуру Абовяну, получив образование в университете западного образца, они пережили фрустрацию и разочарование по поводу принадлежности своих народов к восточной, во многом архаичной культуре и задались целью через западное просвещение создать свою национальную культуру. Как это ни парадоксально, именно приобщение к западной культуре положило начало национальным культурам. Болгарский исследователь Александр Къёсев писал: «“Национальное сознание” начинается с травмы, полученной конкретными интеллектуалами, которые в своих взаимоотношениях с людьми “более цивилизованными” не раз чувствовали унижение из-за своего языка, этнического происхождения, “неимения великих традиций” и т. д. Думается, такое случалось едва ли не с каждым болгарским интеллектуалом в эпоху так называемого “Национального Возрождения”, то есть не найдётся ни одного из них, кто не был бы опозорен во время своих контактов с представителями “цивилизации”. Проходя через унижение, когда им давали понять, что они – неполноценны, второго сорта, такие интеллектуалы переживали что-то вроде негативного экстатического видения – перед их внутренним взором вставали все недостатки и несовершенства, всё трагическое. Отсутствие собственного культурного Бытия» [2005, с. 122–123].

Формирование национальной идентичности неизбежно начинается с формирования национального литературного языка, который постепенно вытесняет локальные диалекты и городской говор, отголоски которого отныне можно встретить лишь в произведениях литературы, на театральных подмостках и в кино.

Подведем итоги.

- На протяжении тысячелетней истории Тифлис сформировал свой неповторимый образ и своеобразные средства коммуникации. Среди них особое место занимает городской креолизованный язык, сформированный на основе распространенных на Кавказе туземных и имперского русского языков.
- Это язык стал отражением средневекового городского республиканизма и был противопоставлен канонизированным церковным и дворцовым церемониальным языкам, далеко не всегда понятным городским мас-

сам. Поэтому горожане творчески перерабатывали имеющийся под рукой «вербальный материал», создавая на его основе свой обиходный, ситуативный язык. Даже литературный имперский русский язык становился объектом вольного обращения среди тифлисского плебса. Русский рассматривался как материал для построения новых языковых форм тифлисского койне.

- Тифлиссский язык был контактным языком, обеспечивающим коммуникацию носителей разных неродственных языков. Контактный, или смешанный, городской язык возник в условиях многоязычия, когда представители той или иной группы достаточно хорошо владеют несколькими языками, чтобы сопоставлять их элементы и заимствовать те или иные формы для стихийного конструирования городского языка. При этом речь идет именно о создании языка (с фиксированными правилами, лексикой и т. д.), а не об обычном при двуязычии смешении кодов.

- Контактные урбоязыки, вроде тифлисского или одесского, – продукт спонтанного языкового творчества. Они могут функционировать только в определенной среде и в определенное время. За пределами породившего его городского пространства, лишившись питающей его ментальной среды они почти сразу прекращают существование.

- Тифлиссский язык был бесписьменным, что также объясняет его неканоничность и импровизационные свойства, легкость в создании неологизмов.

- Тифлиссский язык был своего рода опознавательным маркером «свой – чужой».

- Главными достоинствами тифлисского городского языка были сочная выразительность, юмор и демократизм, окказиональность и пластичность.

- В пореформенный период средневековый урбанистический республиканский язык деградировал, уступив место национальным литературным языкам Нового времени.

Список литературы

- Аверченко А. Т.* Одесские рассказы. СПб., 1911.
- Айвазян А.* Вывески Тифлиса. Евангелие от Авлабара. Кавказское эсперанто. Повести, рассказы: Пер. с арм. М.: Сов. писатель, 1990.
- Гришашвили И. Г.* Литературная богема старого Тбилиси. Тбилиси: Мерани, 1977.

Дорошевич В. М. Одесский язык // Одесса, одесситы и одесситки. Очерки, эскизы и наброски. Одесса: Изд. Ю. Сандомирского, 1895.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999.

Къёссев А. Самоколонизированные культуры // Перекрестки. 2005. № 3–4. С. 118–127.

Симян Т. С. Сергей Параджанов как текст: человек, габитус, интерьер (на материале визуальных текстов) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2019. Вып. 3 (21). С. 197–215. DOI 10.23951/2312-7899-2019-3-197-215

Симян Т. С. Креолизованные тексты Старого Тифлиса (на примере Пирсомани, Элибеяна, Айвазяна) // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 256–285. DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-256-285

Смирнов С. А. Человек в городе и город в человеке, или Ещё раз о предмете городской антропологии (1) // Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. 2021. № 1. С. 12–36. DOI 10.34680/urbis-2021-1-12-36

Томсон А. И. Историческая грамматика современного армянского языка города Тифлиса. 2-е изд. М.: URSS, 2015. XXIV, 266 с. (Лингвистическое наследие XIX века)

Цихун Г. Взгляд на трасянку с позиций лингвистики (пер. и ред. А. Е. Тараса) // Arche. 2000. № 6. С. 51–58. URL: <http://inbelhist.org/vzglyad-na-trasyanku-s-pozicij-lingvistiki/>.

Яковлева Е. А. Лингвистическое градоведение: достижения, проблемы, перспективы (на примере исследования языка полиэтничной Уфы) // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 6. С. 419–434. DOI 10.15643/libartrus-2019.6.5

Farnell B. Do you see what I mean? Plains Indian Sign Talk and the embodiment of action. Austin, Uni. of Texas Press, 1995.

Schuit J. Sociolinguistic profile of Inuit Sign Language // Zeshan U., Vos C. de. Sign Languages in Village Communities. DeGruyter & Ishara Press, 2012. P. 389–393.

References

Aivazyan A. Vyveski Tiflisa. Evangelie ot Avlabara. Kavkazskoe Esperanto. Povesti, rassказы. Trans. from Arm. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. (in Russ.)

Averchenko A. T. Odesskie rassказы [Odessa stories]. St. Petersburg, 1911. (in Russ.)

Doroshevich V. M. Odesskii yazyk. Odessa, odessity i odessitki. Ocherki, eskizy i nabroski [Odessa language. Odessa, Odessites and Odessites. Essays and sketches]. Odessa, 1895. (in Russ.)

Farnell B. Do you see what I mean? Plains Indian Sign Talk and the embodiment of action. Austin, Uni. of Texas Press, 1995.

Grishashvili I. G. Literaturnaja bogema starogo Tbilisi [Literary bohemia of old Tbilisi]. Tbilisi, Merani, 1977. (in Russ.)

Kyossev A. Samokolonizirovannye kul'tury. Perekryostki, 2005, no. 3–4, pp. 118–127. (in Russ.)

Schuit J. Sociolinguistic profile of Inuit Sign Language. In: Zeshan U., Vos C. de. Sign Languages in Village Communities. DeGruyter & Ishara Press, 2012, pp. 389–393.

Simyan T. S. Kreolizovannye teksty Starogo Tiflisa (na primere Pirosmeni, Jelibekjana, Ajvazjana) [Creolized Texts of Old Tiflis (on the example of Pirosmeni, Elibekyan, Ayvazyan)]. *Critique & Semiotics*, 2020, no. 2, pp. 256–285. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-256-285

Simyan T. S. Sergei Paradzhanov kak tekst: chelovek, gabitus, inter'er (na materiale vizual'nyh tekstov) [Sergei Parajanov as a text: man, habitus, and interior (on the material of visual texts)]. *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 2019. iss. 3 (21), pp. 197–215. (in Russ.) DOI 10.23951/2312-7899-2019-3-197-215.

Smirnov S. A. A person in a city and a city in a person, or Once again about the subject of urban anthropology (1). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 2021, no. 1, pp. 12–36. (in Russ.) DOI 10.34680/urbis-2021-1-12-36

Tsikhun G. A look at Trasyanka from the standpoint of linguistics (transl. and ed. by A. E. Taras). *Arche*, 2000, no. 6, pp. 51–58. (in Russ.) URL: <http://inbelhist.org/vzglyad-na-trasyanku-s-pozicij-lingvistiki/>.

Thomson A. I. Istoricheskaya grammatika sovremennogo armyanskogo yazyka goroda Tiflisa [Historical Grammar of the modern Armenian language of the city of Tiflis]. 2nd ed. Moscow, URSS, 2015, XXIV, 266 p. (Linguistic heritage of the XIX century). (in Russ.)

Yakovleva E. A. Linguistic urban studies: achievements, problems, prospects (on the example of the study of the language of polyethnic Ufa). *Russian Humanitarian Journal*, 2019, vol. 8, no. 6, pp. 419–434. (in Russ.) DOI 10.15643/libartrus-2019.6.5

Zalevskaya A. A. Vvedenie v psiholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow, RSUH Press, 1999. (in Russ.)

Информация об авторе

Ерванд Грантович Маргарян, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57202683981
WoS Researcher ID ABH-2113-2021
SPIN 1758-3649

Information about the Author

Yervand G. Margaryan, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57202683981
WoS Researcher ID ABH-2113-2021
SPIN 1758-3649

*Статья поступила в редакцию 21.11.2022;
одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 15.12.2022
The article was submitted on 21.11.2022;
approved after reviewing on 10.12.2022; accepted for publication on 15.12.2022*